

Slavische Literaturen“ an der FU Berlin. U. Bamborschke, W. Košny, H. Meyer-Harder, W.-H. Schmidt, K.-D. Seemann. Berlin; Wiesbaden, 1979. (Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts [Slavisches Seminar] an der Freien Universität Berlin. Bd. 48).

Halperin C. A. Chingissid Saint of (sic.) Russian Orthodox Church: “The Life of Peter, Tsarevich of the Horde” // Canadian-American Slavic Studies. 1975. Vol. 9. № 3. P. 324–335.

Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, Conn., 1953.

Gail Lenhoff
University of California, Los Angeles, USA

THE TERM “GODOVNYE OBROKI” IN THE “TALE OF PETR, TSAREVICH OF THE HORDE”

The essay deciphers a puzzling reference to “yearly payments” provided by Khan Berke to the Rostov episcopal cathedral during the lifetime of Rostov Bishop Kirill II. Correcting and developing the historiography, it supplies indirect evidence that Bishop Kirill, a loyal supporter of Berke, ran into financial difficulties because — despite the many privileges granted clerics — essential sources of episcopal income were interrupted in the first half-century of Mongol rule. He went to the Horde to request help from the khan. Citing the precedent of the “desiatina,” Berke agreed to supply Kirill with yearly payments during his lifetime, but forced the local princes to supply and deliver the payments.

Keywords: tithe, payments, tribute, census, Rostov, Mongol rule

УДК 929.522.1 ББК 63.3(0)4, 63.2, 63.214, 81.053.16 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0015

А. Ф. Литвина

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия. annalitvina@gmail.com

Ф. Б. Успенский

Институт славяноведения РАН,

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия. fjodor.uspenskiy@gmail.com

К УТОЧНЕНИЮ ИМЕН И ДАТ В СЕМЬЕ ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА¹

Работа посвящена истории христианской двуименности в допетровской Руси. Основное внимание сосредоточено на позднем этапе функционирования этой традиции в династии Рюриковичей и у их ближайшего окружения. В статье обсуждаются следующие вопросы: какими христианскими именами обладали царь Федор и царица Ирина, кого они почитали в качестве личных патрональных святых и когда Ирина Федоровна Годунова могла появиться на свет?

Ключевые слова: имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, крестильное имя, день рождения, личные небесные покровители, задравные и поминальные вклады, семья Ивана Грозного, царь Федор Иванович, царица Ирина Годунова

Шестнадцатое столетие в истории московского правящего дома ознаменовано постепенным угасанием практики мирской христианской двуименности. Процесс этот протекал неравномерно и неоднозначно. Как и прежде, некоторые отпрыски великокняжеской, а затем и царской семьи получали по два календарных имени, тогда как другие оставались, по всей видимости, одноименными. В этом отношении семья Ивана Грозного мало чем отличалась, скажем, от семьи Дмитрия Донского, однако в перспективе функционирования этих имен разница между правителями XIV и XVI в. была весьма значительной.

Существенно упрощая дело, можно сказать, что если в XIV в. династу дается два светских христианских имени, то выбираются они следующим образом. Одно дается ему или ей по дате рождения, то есть в честь одного из тех святых, чья память празднуется в день появления такого династа на свет. Оно-то и становится именем крестильным, но при этом непубличным. Второе же имя — династическое, публичное — подбирается из числа традиционных родовых имен в довольно широких календарных окрестностях даты рождения. Иными словами, князь мог быть крещен как *Максим* или *Фома*, потому что родился на память апостола *Фомы* или *Максима Исповедника*, но правил как *Дмитрий* или *Андрей*, потому что это имя было в ходу у его предков, а празднование *Дмитрию Солунскому* или *Андрею Стратилату* отстояло от дня его рождения на несколько дней или даже на две-три недели [Литвина, Успенский, 2017; Литвина, Успенский, 2018а; Литвина, Успенский, 2018б; Литвина, Успенский, 2019]. Небесных покровителей у такого князя, естественным образом, оказывалось двое — свв. *Фома* и *Дмитрий* или свв. *Максим* и *Андрей*.

При этом у носителя светской христианской двуименности могли быть родные братья и сестры, обладавшие всего одним христианским именем, совмещавшим в себе функции публичного, династического и крестильного. Это единственное имя могло, счастливым образом, выпасть по календарю (ведь свв. *Федоров*, *Андреев*, *Василиев*, *Иоаннов* в месяцеслове довольно много, а все эти имена для Рюриковича были вполне пригодны) или быть подобранным по старинке, без столь уж жесткой оглядки на календарь, то есть практически так же, как это делалось

¹ В работе использованы результаты проекта «Символическое поведение в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

еще в домонгольское время. О том, были ли склонны одноименные князья, нареченные по этой наиболее древней схеме, как-то особо почитать тех святых, чья память приходилась на их день рождения, мы практически ничего не знаем.

К XVI в. картина кардинально меняется. Можно сказать, что весомость календаря в имяннаречении членов правящей семьи и возрастает и убывает одновременно. С одной стороны, для тех членов династии, кто обладал одним-единственным именем, выбранным не точно по дате появления на свет, мы наблюдаем все больше признаков почитания святых, связанных с днем их рождения. С другой стороны, у носителей двух христианских имен соотношение ролей мирских имен также не остается прежним — династическое имя, как и раньше, выбирается в широких календарных окрестностях дня рождения, но теперь оно же дается и в крещении. Второе же имя, соответствующее дню появления на свет непосредственно, остается своего рода благочестивым дополнением в такого рода антропонимической паре.

Таким образом, одноименность и двуименность в династическом обиходе неуклонно сближаются, граница между ними становится все более зыбкой. В результате, несмотря на то что письменных и материальных свидетельств, относящихся к XVI в., в нашем распоряжении несравненно больше, чем текстов и артефактов из века XIV, определить, было ли у самых поздних Рюриковичей, принадлежащих к правящему дому, одно или два имени, зачастую оказывается непросто. Между тем эта задача остается вполне актуальной как в собственно исторической, так и в историко-филологической перспективе. В самом деле, если династическая христианская двуименность переживает в эту эпоху период заката, то среди подданных царей и великих князей она не только по-прежнему весьма популярна, но и обрастает дополнительными смыслами и возможностями — самая неоднозначность переключения на одноименность в великокняжеской традиции задавала весьма плавный и постепенный характер этого процесса на Руси, позволяла практике наречения двумя христианскими именами отступать весьма медленно, консервироваться или внезапно возобновляться в отдельных социально-культурных стратах.

В филологической перспективе самым значимым критерием, позволяющим отделить одноименных от двуименных, способно служить наличие письменного текста, где конкретное историческое лицо напрямую названо этим предполагаемым вторым именем. Если такого текста в нашем распоряжении нет, мы можем говорить лишь о еще одном особо почитаемом небесном покровителе человека, но не о светской христианской двуименности как таковой.

Как же обстояло дело в последнем поколении прямых наследников власти, происходящих из московского княжеского дома, у сыновей Ивана Грозного? У двух из них — погибшего в Угличе царевича Дмитрия и убитого отцом Ивана Ивановича — антропонимическая ситуация устроена относительно прозрачным для нас образом: Иван Иванович, по-видимому, был обладателем одного христианского имени, *Иоанн*, тогда как Дмитрий был двуименным и обладал, помимо династического *Дмитрий*, еще одним именованием — *Уар*². О наличии двух имен у самого старшего из братьев, утонувшего во младенчестве Дмитрия Ивановича-старшего, мы едва ли сможем утверждать что-то определенное (ср.: [Литвина, Успенский, 2006, с. 389–395]). Самая же интересная и вполне решаемая антропонимическая задача явлена в имяннаречении того из братьев, которому суждено было наследовать отцовский стол, — Федора Ивановича.

Имя *Федор* несомненно связывало будущего царя с Федором Стратилатом, причем его наречение, со всей очевидностью, соотносилось с летним празднованием, приходящимся на 8 июня. Из весьма многочисленных свидетельств о почитании Федором Ивановичем этого святого можно заключить, что во имя Федора Стратилата он некогда и был крещен — так, в частности, в годы его царствования именно 8 июня считалось государевыми именинами³, а именины в эту эпоху достаточно однозначно соотносились с днем празднования святому тезке по крестильному имени. При этом родился царь Федор отнюдь не на память Федора Стратилата, а незадолго до нее — 31 мая (1557 г.), в день, когда церковь отмечает память апостола Ермия и мученика Ерма, чьи фигуры — при столь явной близости имен — в традиции иногда расподоблялись, но гораздо чаще отождествлялись и смешивались⁴.

Насколько же Федор Иванович был связан со святыми своего дня рождения? Свидетельства почитания апостола Ермия, которые, на первый взгляд, могут показаться не столь многочисленными, на деле сопровождают этого сына Грозного не только от рождения до смерти, но и за гробом. Так, в Соловецком летописце сообщение о рождении у Ивана Грозного сына Федора в качестве датирующего признака указывает память апостола Ермия («Иеремея»), 31 мая

² Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е, вновь испр. М., 1788. Ч. III. С. 107 (1584 г.); *Кунцевич Г. Э.* История о Казанском царстве (ея списки) // Сб. ОРЯС. 1901. Т. LXIX. С. 110.

³ *Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация) / Отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2008. С. 219. Л. 225. Ср.: *Сахаров И. П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества. СПб., 1851. Т. I. Отд. 3. С. 80, 89.

⁴ Кроме того, подобно другим — относительно редким — именам месяцеслова *Ерм* и *Ермий* могли в написании и произношении смешиваться с более частотными *Иеремий*, *Иеремия*. Это смешение порождало всевозможные усложненные гибридные графические варианты всех этих имен. Переписчик того или иного месяцеслова или составитель повествования о конкретном лице мог произвольным образом использовать любой из них или по собственному разумению их как-то дифференцировать. Для исследователя же ключевым параметром в различении, скажем, пророка Иереми и апостола Ермия в качестве личного небесного покровителя оказывается не что иное, как дата празднования.

[Буров, с. 165]. В Переславском Федоровском монастыре, с которым, по монастырской легенде, связано появление царевича на свет, в дяконнике соборного храма во имя Федора Стратилата имелся придел апостола Ермия [Баталов, с. 80]⁵. Прижизненный корм по Федору Ивановичу давался не только на память Федора Стратилата, но и на 31 мая, то есть на празднование апостолу Ермию⁶. Что еще более существенно, ко дню поминования апостола Ермия было приурочено венчание Федора Ивановича на царство в 1584 г., что, разумеется, едва ли можно считать простым совпадением: «И егда приспѣвшу дню на память святого апостола Еремия и святого мученика Ермия мая в 31 день, в он же бысть рождение его царьского величества, и повелѣ великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси самодержецъ тогда в навечерии дни того в соборной церкви митрополиту пѣти всенощное бдѣние... И мая въ 31 день, в седмую неделю после велика дни, великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа руси самодержецъ вышел в Золотую полату на третьемъ часу дни...»⁷.

Образ апостола Ермия появляется и на нескольких артефактах, так или иначе связанных с Федором Ивановичем. Прежде всего, следует упомянуть знаменитое кадило, пожертвованное в 1598 г. овдовевшей царицей Ириной Федоровной Годуновой в Архангельский собор московского Кремля, которое создавалось, по-видимому, еще при жизни царя. Здесь мы обнаруживаем пять патрональных изображений: св. Феодосии, покровительницы скончавшейся в раннем возрасте царевны Феодосии Федоровны, мучениц Фотины и Ирины, о которых речь пойдет ниже, а также фигуры Федора Стратилата и Ермия («...ъ хвѣ ерми») [Мартынова, 1999, с. 323, 330, ил. № 9, с. 334, примеч. 26; Мартынова, 2002, с. 403–404].

Те же святые — и среди них св. Ермий — представлены на дробницах подвесной пелены конца XVI в. к иконе «Богоматери Тихвинской» [Вилкова, 2003, с. 349–351, № 123]. Изображения апостола Ермия («Еремеи») и Федора Стратилата присутствуют и на дробницах фелони 1602 г., отданной Ириной Годуновой (ставшей к тому времени монахиней Александрой) в Архангельский собор в качестве поминального вклада по царю [Вилкова, 2015; Вилкова, в печати, с указанием литературы]. Св. Ермий присутствовал и на одной из личных икон царицы Ирины, где он был изображен вместе со св. Фотиной, но об этом артефакте нам еще предстоит сказать ниже.

Таким образом, трудно усомниться в том, что Федор Иванович и его ближайшее окружение почитали апостола Ермия как личного патрона царя. Можно ли, однако, утверждать, что царь Федор был носителем светской христианской двуименности, или, формулируя вопрос несколько иначе, что он непосредственно обладал еще одним именем — *Ермий*?

Ответ на этот вопрос, как было определено выше, невозможен без использования филологического критерия — принципиальную роль играет здесь наличие или отсутствие письменного памятника, где антропоним *Ермий* был бы непосредственно закреплен за царем Федором. В данном случае подобное прямое именование, счастливым образом, обнаруживается. До сих пор оно не обращало на себя внимания исследователей, хотя текст, в котором оно присутствует, давно введен в научный оборот и хорошо известен историкам и филологам.

Речь идет о таком знаменитом сочинении первой трети XVII в., как «Временник» Ивана Тимофеева. Оно представляет для нас особый интерес не только потому, что Иван Тимофеев был современником царя Федора и занимал при нем государственную должность, но и тем, что он обладал особым вкусом и пристрастием к толкованию и обыгрыванию имен описываемых им исторических лиц. Так, Андрея/Луппа Клешнина он именует исключительно *Луппом*, подчеркивая его злодейскую «волчью» природу, в качестве еще одного отрицательного штриха к портрету Бориса Годунова сообщает, что его имя не имеет толкования, о царевиче Иване Ивановиче лишний раз напоминает, что тот тезоименит своему отцу и благодати, и т. д. и т. п. (см. подробнее: [Литвина, Успенский, 2018a]).

Разумеется, основным именованием царя Федора Ивановича у Ивана Тимофеева оказывается *Федор*, которое он заботливо трактует как «Божий дар»⁸, однако есть во «Временнике» и следующий пассаж: «Тезоимененъ бо бѣ онъ [Федор Иванович] богозрителю Иереміови по имени...»⁹. Иными словами, Иван Тимофеев напрямую объявляет, что царь Федор является не кем иным, как тезкой апостола Ермия, на память которого он, как мы знаем, появился на свет¹⁰.

⁵ Такой способ запечатления патроната двух личных покровителей царя или великого князя известен на Руси по крайней мере со времен прадеда Федора Ивановича, Ивана III, который, будучи обладателем еще одного имени *Тимофей*, возводит храм Иоанна Златоуста и устраивает в нем придел апостола Тимофея (ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 192; М.—Л., 1959. Т. XXVI. С. 257).

⁶ *Шаблова Т. И.* Кормовое поминование в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой. СПб., 2012. С. 128. Л. 208 об., 210 об.; С. 380–381. Примеч. 297. Ср. также: *Сахаров И. П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. С. 79.

⁷ ПСРЛ. М., 1965. Т. XXIX. С. 220. Ср.: ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 230; Т. XXIX. С. 220. Подробнее о датах, связанных с венчанием Федора Ивановича на царство, см.: [Бурсон, с. 335].

⁸ *Временник Ивана Тимофеева* / Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 24. Л. 40 об.

⁹ РИБ. СПб., 1891. Т. XIII. С. 450; *Временник Ивана Тимофеева*. С. 152. Л. 283.

¹⁰ Усложненная форма имени апостола в свое время ввела в заблуждение публикатора «Временника» О. А. Державину, которая отождествила его с именем библейского пророка Иеремии (память празднуется 1 мая) (*Временник Ивана Тимофеева*. С. 501. Примеч. 327); ср. также: [Солодкин], где присутствует та же ошибка. Эта путаница осложняется, по-видимому, еще и тем обстоятельством, что рядом с именем Федора Ивановича нередко фигурирует имя патриарха Иеремии, приезжавшего в Москву в годы его правления.

Таким образом, мы можем с достаточным на то основанием утверждать, что Федор Иванович, подобно своему отцу, Ивану/Титу Грозному, и младшему брату, царевичу Дмитрию/Уару, был обладателем двух христианских имен, причем так же, как у отца и у брата, династическое, родовое имя стало для него крестильным, а второе — выпавшее ему по дню рождения — оставалось лишь элементом семейного церковного благочестия.

Не менее показательна с точки зрения истории двуименности и культа личных патрональных святых антропонимическая ситуация жены Федора Ивановича — царицы Ирины, сестры Бориса Годунова. В чем-то она устроена проще и однозначнее, чем имянаречение ее мужа. Царь Федор/Ермий не постригся во иночество и, естественным образом, у него не могло быть монашеского имени, тогда как Ирина, овдовев, приняла постриг и во множестве источников ее иноческое имя *Александра* прекрасно зафиксировано. Соответственно, не прибегая к каким-либо дополнительным ухищрениям, можно удостовериться, что династическое имя *Ирина* и было ее крестильным именем, скольких бы других святых царица ни чтит особым образом.

Дело в том, что в конце XVI столетия при выборе монашеского имени решительно преобладала практика, согласно которой имя в иночестве подбиралось по созвучию с именем крестильным, и только с ним. Созвучие, как правило, сводилось к совпадению первых букв, но при этом за основу часто бралась не каноническая, а традиционная для Руси, обиходная форма антропонима. Женщин с именем *Ирина* зачастую постригали, исходя из формы имени *Арина*, и, соответственно, им при постриге подходило практически любое имя, начинающееся на *-а-*. Монашеское имя *Александра* при крестильном *Ирина (Арина)* — более чем ожидаемое решение [Литвина, Успенский, 2018б].

Однако во всех прочих отношениях антропонимическое досье царицы Ирины содержит ряд загадок. В честь какой из свв. Ирин месящеслова она была крещена? Была ли св. Ирина ее единственной личной небесной покровительницей? И наконец, было ли у царицы второе христианское имя в миру? Какая бы то ни было дата рождения царицы Ирины в источниках не сохранилась, так что здесь скорее ономастика может оказать известную услугу исторической хронологии, нежели наоборот. Попробуем, однако, распутать этот антропонимический клубок более или менее последовательно.

На сегодняшний день можно достаточно уверенно утверждать, что крестильное имя было дано будущей царице в честь той св. Ирины, чья память празднуется 16 апреля. Так, именно к 16 апреля в Кормовой книге Кирилло-Белозерского монастыря приурочено поминовение царицы¹¹. Более того, во Вкладной книге Новодевичьего монастыря, того самого, где царица приняла постриг с именем *Александра*, ее поминовение также совпало именно с этим праздником, будучи поставлено на его канун, на 15 апреля¹². Любопытно, однако, что в этот день отмечается память двух свв. Ирин — Ирины Коринфской и Ирины Илирийской. Какая же из них была небесной покровительницей царицы?

Ответ на этот вопрос окажется достаточно однозначным, если мы обратим внимание на два пожертвования, самым непосредственным образом связанных с личностью Ирины Федоровны. В 1593 г. в костромской Ипатьевский монастырь делает вклад дядя царицы, Дмитрий Иванович Годунов. Он распорядился «золотые на мѣдные нити възнизати и прикласть къ местнымъ образамъ... у великомученицъ Ирины, Агапии и Хеонии 2 золотыхъ и всехъ золотыхъ въ церкви у мѣстныхъ образовъ и у малыхъ пядницъ у Федора Стратилата 126 золотыхъ»¹³. Общеизвестно, какое внимание Дмитрий Иванович уделял почитанию святых, тезоименитых царской чете, и вполне естественно, что он решил одновременно украсить иконы их патрональных святых по крестильным именам. При этом кому же как не ему, родному дяде и воспитателю царицы, фактически заменившему ей отца, могло быть доподлинно известно, в честь кого она была крещена?

Более того, счастливым образом, до наших дней дошла одна из тех 194 икон, что находились в келье Новодевичьего монастыря царицы-инокини Александры вплоть до ее кончины. Благодаря тому, что после смерти сестры Борис Годунов отдал все ее личное имущество монастырю, в Приходной книге 1603–1604 г. сохранилось достаточно подробное описание всех этих артефактов. Личная небесная покровительница царицы вновь появляется здесь вместе со своими сомученицами: «Образ Федор Стратила и святых мученицъ Ирины, Агапии и Хеонии, оклад и венцы чеканные, обложен серебром, пядница»¹⁴.

Итак, нет сомнений в том, что покровительницей царицы по крестильному имени была именно св. Ирина Илирийская, чья память отмечается 16 апреля. К ней, как можно судить, например, по записи о вкладе Дмитрия Ивановича Годунова, в ту эпоху вполне охотно прилагался эпитет *великомученица*, который мы обнаруживаем на некоторых предметах с изображениями патронов царской четы¹⁵. Была ли, однако, св. Ирина единственной небесной патронессой царицы?

Выше мы уже упоминали некоторые артефакты, где рядом с изображением св. Ирины появляется св. Фотина. Пожалуй, наиболее интересно в этом отношении кадило, которое сама Ирина Федоровна отдала вкладом в

¹¹ Шаблова Т. И. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. С. 126. Л. 199 об.

¹² Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В. И. Коредкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 193. Л. 275.

¹³ Соколов М. И. Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. М., 1890. С. 55.

¹⁴ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. С. 84. Л. 8.

¹⁵ Этот эпитет может вводить в заблуждение исследователей, поскольку в нынешней церковной практике он прилагается, в первую очередь, к другой Ирине — св. Ирине Эфесской, основная дата поминовения которой приходится на 5 мая. Так, Я. Г. Солодкин по неведомым нам причинам связал наречение Ирины Федоровны с зимним празднованием Ирине Эфесской (20 января) [Солодкин, с. 137, примеч. 1] — датой весьма раритетной и представленной в крайне ограниченном числе месящесловов [Сергий Спасский, т. II, с. 20]. В документах и надписях интересующей нас эпохи эпитет *великомученица* никак не может служить дифференцирующим признаком в различении этих святых тезок.

Архангельский собор в 1598 г. Как уже отмечалось, на одной из граней здесь представлены две мужские и три женские фигуры святых, со всей очевидностью связанные с членами семьи Федора Ивановича, — слева направо следуют изображения свв. Федора и Ермия и свв. Ирины, Фотины и Феодосии [Мартынова, 1999, с. 323, 330, ил. № 9].

С соотношением четырех из них никаких затруднений не возникает: очевидно, что Федор и Ермий — это небесные покровители самого царя, св. Ирина связана с Ириной Годуновой, а св. Феодосия — с их дочерью, царевной Феодосией Федоровной. К кому же из членов царской семьи имеет отношение образ еще одной мученицы, св. Фотины (Фотинии)?

Судя по всему, она была второй личной покровительницей самой царицы Ирины, и предположение это уже высказывалось в искусствоведческой литературе ([Мартынова, 1999, с. 334, примеч. 26; Мартынова, 2002, с. 403–404]; ср.: [Вилкова, 2003, с. 351, № 123]). Эта гипотеза станет еще более правдоподобной, если мы обратим внимание на еще одну икону (несохранившуюся), принадлежавшую царице и включенную в опись пожертвований из ее кельи в Новодевичьем монастыре. Прямо вслед за упоминанием образа св. Федора Стратилата и мучениц Ирины, Агапии и Хионии в Приходной книге 1603–1604 г. следует описание другой парной иконы — «Образ Еремея и Фетиньи Самаряныни, оклад басмян, венцы сканны»¹⁶.

Иными словами, инокине Александре, в миру царице Ирине, принадлежали в числе прочих две иконы, на одной из которых были изображены публичные небесные покровители ее и ее царственного супруга, Федор Стратилат и мученица Ирина (с Агапией и Хионией), тогда как на другой — покровители непубличные, св. Ермий и св. Фотина Самаряныня. Эта же святая («святая м[у]ч[еница] Фат[и]н[и]я самаряныны») фигурирует на дробнице пелены к иконе «Богоматери Тихвинской», также, по всей видимости, связанной с царской семьей [Вилкова, 2003, с. 349–350]¹⁷. На Руси св. Фотина Самаряныня была едва ли не самой известной из своих тезок, во всяком случае, здесь она почиталась с домонгольского времени и память ее отмечалась 20 марта [Лосева, с. 296]¹⁸.

Таким образом, именно Ирина Илирийская (16 апреля) и Фотина Самаряныня (20 марта) были личными небесными покровительницами Ирины Федоровны Годуновой. При этом 20 марта, празднование св. Фотине, с большой вероятностью и было днем рождения будущей царицы. Как уже упоминалось выше, даты празднования двум личным патрональным святым, публичному и непубличному, чаще всего не так далеко отстояли друг от друга по календарю. Если речь шла о мальчике, то обыкновенно эта дистанция не превышала трех недель, а для имянаречения девочек был вполне допустим и промежуток в 25–26 дней — женских имен в месяцеслове ощутимо меньше, чем мужских, и потому приемлемое для семьи имя могли отыскивать в несколько более широких календарных окрестностях дня рождения.

Имя *Ирина* было чрезвычайно популярно в эту эпоху и вполне годилось в качестве имени публичного. Была ли, однако, царица Ирина двуименной? Или св. Фотина, становясь ее заступницей, имени своего ей, так сказать, не передавала? На данный момент мы склоняемся ко второй версии, предполагающей одноименность Годуновой, ведь ни одного текста, где она называлась бы *Фотиной* (*Фотинией*) или, к примеру, тезкой св. Фотины Самаряныни, в нашем распоряжении нет. Рискнем допустить, что столь важную роль фигура св. Фотинии приобрела в жизни Ирины Федоровны именно с той поры, как она сделалась царской невестой.

В самом деле, к моменту ее замужества у Рюриковичей московского дома уже сложилась относительно устойчивая традиция, согласно которой каждый из них имел по крайней мере двух личных небесных покровителей. Вне зависимости от того, носил ли он два христианских имени, или только одно, святой дня рождения оставался весьма актуальным для сферы его индивидуального благочестия. Быть может, было сочтено, что царевне — или царице — также следует существовать в рамках этой модели, тем более что ее брак на всем своем протяжении был отягощен напряженным ожиданием наследника и присутствие еще одной покровительницы на небесах могло быть более чем желательным.

Так или иначе, мы знаем, что последним Рюриковичам московского дома полагалось по крайней мере два личных небесных покровителя, а то и два христианских имени, и антропонимическая ситуация Федора/Ермия Ивановича — еще одно наглядное тому доказательство. Как кажется, подражание такого рода сложным моделям в элитарной среде начиналось с женского имянаречения, именно женщины столь тщательно чтити двух своих святых покровительниц, даже не будучи двуименными. Быть может, для подобного культа достаточно было

¹⁶ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. С. 84. Л. 8.

¹⁷ В свое время, не учитывая приведенных выше данных, М. В. Мартынова [Мартынова, 1999, с. 334, примеч. 26; Мартынова, 2002, с. 403–404] предположила, что покровительницей Ирины Годуновой была св. Фотина Палестинская (более популярная в Новое время), чья память празднуется 13 февраля. Отметим, что имена обеих святых, Фотины Палестинской и Фотины Самаряныни, могут передаваться как *Фотина*, *Фотиния*, *Фетиния*, так что и в этом случае графический облик имени не может служить дифференцирующим признаком в различении святых тезок.

¹⁸ Во времена появления Ирины Федоровны на свет культ этой святой несколько не ослабевал. Ср., например, купчую и данную Федора Ивановича Сукина архимандриту Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, составленные в 1547/1548 г., где Сукин специально указывает, что зазданный корм по его жене следует устраивать «марта в 20 день на память преподобныя матери нашея Фетинии Самаряныни» (Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.: СПб., 2007. С. 139. № 67; С. 140. № 68).

лишь сколь угодно призрачной надежды на возможность «царственного» брака, хотя скорее он устанавливался лишь со вступлением в таковой. Вполне вероятно, что практика женского приобщения к особому благочестию Рюриковичей началась не с Ирины Годуновой, а с ее свекрови, Анастасии Романовой, но это уже предмет для самостоятельного исследования.

Литература

- Баталов А. Л. Московское каменное зодчество конца XVI века: Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996.
- Буров В. А. Государево богомолье — Соловецкий монастырь: Проблемы истории великой северной обители (XV—XIX века). М.; Архангельск, 2013.
- Бурсон А. Е. Царские венчания конца XVI века в России в их отношении к предшествующим коронациям // *Ad fontem / У источника: Сборник в честь С. М. Каштанова*. М., 2005. С. 332—349.
- Вилкова М. В. Подвесные пелены к иконам и облачения духовенства // *Царский храм: Святые Благовещенского собора в Кремле*. М., 2003. С. 339—366.
- Вилкова М. В. О дробницах «Годуновской» фелони из собрания Музеев Московского Кремля // *Московский Кремль и эпоха Бориса Годунова. Научная конференция, 11—13 ноября 2015 года: Тезисы докладов*. М., 2015. С. 13.
- Вилкова М. В. О дробницах «Годуновской» фелони из собрания Музеев Московского Кремля (в печати).
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Христианская двуименность на Руси в XIV—XVI веках. Догадки и закономерности // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции*. Москва, 13—15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 41—44.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русская христианская двуименность в филологической перспективе — из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // *Slavistična revija*. 2018. Letnik 66, št. 3: julij—september. С. 333—254. [Литвина, Успенский, 2018a]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // *Средневековая Русь*. М., 2018. Вып. 13. С. 241—280. [Литвина, Успенский, 2018b]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // *Die Welt der Slaven*. 2019. Jg. 64. Heft 1. S. 108—127.
- Лосева О. В. Русские месящесловы XI—XIV веков. М., 2001.
- Мартынова М. В. Оклад иконы «Богоматерь Смоленская» и черневая гравюра XVI в. // *Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования*. М., 1999. С. 318—335.
- Мартынова М. В. Художественный металл в интерьере Архангельского собора // *Архангельский собор Московского Кремля / Сост. и научн. ред. Н. А. Маясова*. М., 2002. С. 399—430.
- Сергий (Спасский). Полный месящеслов Востока. Владимир, 1901. Т. I—III. (Репринт: М., 1997.)
- Солодкин Я. Г. Царица Ирина (Александра) Федоровна // *Вопросы истории*. 2013. № 12. С. 133—139.

Anna F. Litvina

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Fjodor B. Uspenskij

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia*

NAMES AND DATES IN THE FAMILY OF TSAR FEDOR IVANOVICH

This article discusses the phenomenon of using two Christian names by one and the same person among the laity in medieval Russia. The main attention is paid to the late stage of this tradition in the dynasty of Rurikids and in their inner circle. The article poses the following questions: what are the Christian names of Tsar Fedor and Tsarina Irina, what saints they venerated as their holy patrons and on what day was Irina Godunova born?

Keywords: name-giving in pre-Petrine Russia, saints' cult, holy patrons, commemoration, dual naming of lay Christians, baptismal name, public name, family of Ivan the Terrible, Tsar Fedor Ivanovich, Tsarina Irina Godunova

